

Обывательский вектор цифровой трансформации

Симашенков П.Д.

Самарский университет государственного
управления (АНО ВО Университет «МИР»)

г. Самара, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6831-2543>

e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

Актуальность темы обусловлена появлением так называемых цифро-скептиков, оспаривающих необходимость тотальной диджитализации образования. Объект исследования – ценностные установки цифровой трансформации, предмет – их реальное воплощение в системе высшего образования. Автор избрал аксиологический подход к изучению проблемы, предполагающий рассмотрение цифровизации образования в социо-философском аспекте. По мнению автора, бонусы Реальности 2.0 преимущественно развлекательного свойства, что никак не связано с исследовательской деятельностью. К тому же, большинство материалов о цифровом мире так или иначе поднимают тему продажничества. Значит, и ключевое направление развития технологий – сугубо коммерческое, априори ориентированное на потребителя. В духе конкретики и прагматики – вектор упрощения, объявленный единственно правильным и повсеместно применимым. Самые опасные упрощения: 1) отождествление знаний с информацией, а информации – с данными; 2) отождествление творчества с креативом; 3) отождествление реалити (примет действительности) с реальностью. Автор уверен: излишне доказывать, что конструктивная критика цифровизации не имеет никакого отношения к обскурантизму. Протестуют не столько против собственно цифры, сколько против нео-лысенковщины (шоу-педагогика и прочих форм профанации), которую рьяно пропагандируют адепты IT-прорыва. Отстаивая принципы классической педагогики, цифро-скептики защищают культуру от догматизма и утилитарной примитивизации.

Ключевые слова: цифровизация, инновации, мещанство, BANI-мир, прагматизм, менеджмент образования

Для цитаты:

Симашенков П.Д. Обывательский вектор цифровой трансформации // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2022): сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17–18 ноября 2022 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 528–541 с

Введение

В последние годы литература, посвященная образовательной инноватике, «обогадилась» темой критики т.н. «антицифрового

сопротивления». Цифро-скептиков считают эдакими нео-луддитами, которые вознамерились препятствовать прогрессу *par dépit*, из пошлой ревности к умным машинам. Между тем, по другую сторону баррикад складывается своя цифровая патристика (С. Джобс, И. Маск, Б. Гейтс) и апологетика (Ч. Нордстрем, Ю. Харари, Дж. Кантон, Р. Скоубл). Ученые обслуживают бизнесменов – такое вполне в обычаях буржуазной науки. Преимущество креатива и «дикого знания» почитается эксклюзивом и продается дороже. Декларируемая «таланто-ориентированность» предполагает сегрегацию на «продвинутых» и не очень (последним, естественно, достанется в удел оптимизированный вариант образования – дистант с ботами и цифровыми тьюторами). Подлинное принадлежит весьма немногим, прочим предписано довольствоваться виртуальными фейками и суррогатами из масс-маркета. Иными словами, уже сейчас цифра используется для сортировки званных от избранных.

На наш взгляд, данное направление грешит тенденциозностью уже потому, что очерчивает будущее исключительно пиар-маркетинговыми рамками. Безусловно, это позволяет эффективно сбывать форсайты [7], но едва ли прогрессивно в смысле развития и просвещения человечества. По большому счету, гуманизм никогда не был сильной стороной коммерции, и если какое-то материально выгодное явление потенциально опасно, негативные проявления предпочитают называть максимально обтекаемо и абстрактно: новая нормальность [6], реальность 2.0 и т.п. В этой нео-реальности доступность образования подменяется доступом к информации, что далеко не одно и то же. Такое цифровое просвещение – всего-навсего насаждение элементарной и мало к чему обязывающей грамотности, иллюзия досягаемости знания и для «друга степеней», и для «негра преклонных годов». Параллельно формируется элитный образовательный кластер, где культивируются принципы и приемы традиционной педагогики (правда, и там уже не столько учатся, сколько озабочены поддержанием статуса и престижа – в том числе и в интернет-пространстве).

Методы

Россия, как водится, не осталась на обочине моды: появились влиятельные адепты сплошной цифровизации [3], чьи аргументы изобилуют ссылками на импортную практику, а сентенции – тенденциозными англицизмами. Стало быть, и проекты, реализуемые в подобном контексте, несут на себе характерный отпечаток колониального подражательства и заискивания перед «развитыми страна-

ми». К слову, у наших предков, несмотря на искреннее восхищение достижениями технических революций, хватало ума не провозглашать эру парового, газового или электрического образования.

Для начала следует определиться: люди осваивают интернет-пути, или же цифра присваивает человека. Бонусы Реальности 2.0 преимущественно развлекательного свойства, что, само собой, не имеет ни малейшего отношения к исследовательской деятельности. К тому же, большинство материалов о цифровом мире так или иначе поднимают тему продажничества. Значит, и ключевое направление развития технологий – сугубо коммерческое, априори ориентированное на потребителя. Весомые достоинства альтметрии, удобства и преимущества социальных сетей (в том числе и специализированных, для ученых и педагогов) – всё так или иначе сводится к расширению клиентской базы, прокачке профиля и накачке рейтингов.

Лейтмотив конкретики и прагматики усугубляет и метод упрощения, объявленный единственно правильным и повсеместно применимым. Примеров масса: от сервисов по «раскрутке публикаций» (Kudos) до проверок текста на «ридабилити» по типу «пиши-сокращай» или критериям Флэша-Ганнинга. Жертвой user-friendly оптимизаций становится, в первую очередь, содержательная часть просвещения [5], ведь именно ее низводят до удобоваримого суррогата.

Аналогичная проблема с повсеместным торжеством непрофессионализма. Так, львиную долю пост-ковидного образовательного медиа-контента составляют продукты «наколенного творчества» педагогов, алчущих известности и грантового благополучия (таким манером они тщатся «прокачать личный бренд»). За редким исключением, поделки незатейливы по форме и еще более невзыскательны по содержанию. Изобилие «самопального» контента – прямое следствие самоустранения государства от просветительской миссии. Канули в Лету образовательные телепрограммы, а жанр научно-популярного фильма монополизировал научно-популистский импорт наподобие продукции VIASAT. Советская школьно-вузовская система имела в арсенале и наглядные пособия, и обучающее видео – всё это делалось не кустарями с YouTube, но профессионалами, которые по-настоящему владели темой, не были маниакально озабочены объемом продаж и количеством просмотров, а создавали программы (не контент) ради просвещения.

Подчеркнем: зрелищно-игровые элементы обучающих видео хороши для дошкольной возрастной категории, но, внедряемые в образование высшее – откровенно нелепы. Тем не менее, властные структуры настоятельно рекомендуют сосредоточиться на гейми-

фикации и усилить прикольность обучения. В итоге намечается сращивание шоу-просветительства с инфо-цыганщиной, призванной заполнить пробелы в «практическом» натаскивании студентов на т.н. реальные бизнес-кейсы.

Методология цифровизации преисполнена упрощений. Обозначим наиболее опасные, на наш взгляд:

- отождествление знаний с информацией, а информации – с данными;
- подмена творчества с креативом;
- отождествление реалий (примет действительности) с реальностью.

Намеренный и нарочитый примитивизм – стержень клипового ЕГЭ-мышления, в связи с чем абсурдно рассуждать о цифровом просвещении: оно ограничивается дублированием наработок прошлого, перекодированных в более современный формат: электронные книги, инфографика, онлайн-библиотеки и т.п. Излишне доказывать, что конструктивная критика цифровизации не имеет никакого отношения к обскурантизму. Протестуют не столько против собственно цифры, сколько против нео-лысенковщины (шоу-педагогика, ура-науки и прочих форм профанации), которую рьяно пропагандируют адепты IT-прорыва.

Результаты

Рассмотрим, насколько эффективна цифровизация при решении задач, поставленных перед современным образованием.

Пожалуй, одним из ключевых преимуществ новой доктрины принято считать индивидуализацию обучения [4], формирование т.н. образовательных траекторий, стимулирующих развитие способностей и талантов. Полагаем, заявления эти как минимум опрометчивы, поскольку диджитализация обесценивает само понятие «метода» как уникального сочетания парадигмы и стиля мышления. Стилистика – вообще не цифровая стихия. В связи с этим равно немислимы и цифровой классицизм, и цифровой авангард. Формализация убивает научную школу как преемственность опыта, ибо никаких традиций не создает – в интернете (при поистине безграничных возможностях сбора и хранения информации) больше ценятся хайп и фидбэк. Пропадает концептуальное многообразие (в лучшем случае сменяясь т.н. эпистемологическим анархизмом): массы интернет-юзеров являют собой одну сплошную серость – без оттенков, зато склонную к агрессии и низменным забавам (кибербуллинг, пранк, треш-стримы). Уже сейчас заметно отсутствие у

закормленного «инфой» поколения Z тяги к совершенству: молодежь на удивление нелюбознательная, интеллектуально апатичная и нравственно аморфная.

Заказные SMM-подсказки искусственного интеллекта [1] рассчитаны на бестолкового и растерянного новичка, дезориентированного в море сведений. Изобилие контента и отсутствие квалифицированных рекомендаций сужают свободу выбора до ориентации на рейтинг спикера. Несомненно, уровень студента вуза предполагает качественно иное отношение к изучению предметов. Тем не менее, цифровое структурирование привело к тому, что благодаря гиперссылкам любой волен поглощать то количество информации, какое в состоянии переварить – эдакий шведский стол просвещения. Выбор предметов и методов как привилегия студента – свидетельство инверсии, абсурдизации образования, когда обучаемый лучше разбирается в том, что ему важнее, а педагогам поручены косметические детали: нарастить soft skills и сделать клиенту модную укладку компетенций. Следовательно, теряется единство подхода и глубина изучения, да и осмысление происходит бессистемно-хаотично – сообразно исключительно актуальным и, по большей части, меркантильным потребностям: победить в конкурсе, сдать зачет, получить именную стипендию или грант.

Необходимо отметить: педагогический компонент мыслится цифровыми апологетами почти не заслуживающим внимания, разве что в рамках «менеджмента ценностей». В такой среде бессмысленно говорить о склонности к эмпирическим обобщениям: теории не изучаются и уж тем более не усваиваются, а «проходятся» в стиле интернет-серфинга. Профанация потенцируется навязчивым стремлением цифро-реформаторов создать некие лайт-версии предметов, избавляя обучаемых от непосильного прилежания. Но, скажем, отсутствие необходимости записать лекцию это не смягчение учебных перегрузок, а лишение студентов способности, конспектируя, выделять главное – т.е. работать осознанно в живом *dasein*-режиме. Те же аудиокнижки всегда будут проигрывать текстам по концентрации внимания: именно самостоятельное чтение (желательно – с карандашом в руке) предполагает должное усвоение материала.

Сторонники цифровизации утверждают: она-де разрушила старую и несправедливую иерархию, в которой доминировал педагог как носитель и собственник информации. Осмелимся заявить: новая вертикаль куда более жесткая и неказистая. Мало того, что над студентами формально стоит преподаватель-обладатель карающего меча со звучным названием «Антиплагиат-вуз». В порядке иннова-

ции предлагается поручить кураторам со старших курсов контроль за исполнением заданий первокурсниками. Старослужащих мотивируют баллами в рейтинге: не за горами цифровая дедовщина. Как видим, система сугубо административная, здесь нет и намека на какой-либо моральный авторитет либо ценность знаний, а педагог-контролер низведен до ранга средневекового педеля.

Абсурдна установка на ежедневное разъяснение студентам, для чего им нужно изучать ту или иную тему. С одной стороны, это идет вразрез с приметам нестабильного VANI-мира, где вообще незачем думать, «как наше слово отзовется». С другой – противоречит разумной логике построения учебного процесса, где обучаемый в большей степени объект, нежели субъект. Фундамент авторитета педагога – в доверии: ему виднее, кого, как и чему учить. В противном случае преподавателей нужно объявить лакеями просвещения и посему не предъявлять иных требований, кроме услужливости и расторопности.

Удивляет другое: теряется иерархия дидактическая. Ныне принято учить студентов теми же способами, каковыми развлекают в детсаду и начальной школе (геймификация, визуализация, сторителлинг и т.п.) Иными словами, сторонники цифровой трансформации даже не подразумевают возможности взросления потребителя, ибо таковое коммерчески невыгодно. Разнообразные сервисы (сторис, TikTok-видео, мем-конструкторы, быстрые тесты в стиле «узнай, кто ты из «Анны Карениной») – плачевный итог коммерциализации образования.

Карикатурность происходящего ярко выражена в отношении к айтишникам. Для цифрозойской дикости характерен благоговейный страх перед знающим заклинания или просто умеющим писать. И чем невежественнее эти «кудесники кода», тем больших привилегий себе требуют. Характерный пример – открыто пренебрежительное отношение к гуманитариям, якобы неспособным понять точные науки. Разумеется, жрецы всеми силами и средствами станут закреплять и продлевать свою власть, при этом мало заботясь о качестве собственно кода: никакого развития IT-отрасли, как максимум – расширение ассортимента сервисов.

В полном соответствии с законами спроса и предложения на рынке образования объявились доброхоты-стартаперы, предлагающие решения любых учебных задач «под ключ». Распознать заказной характер работы, безусловно, нетрудно – даже по контрасту сложности текста и простоватости физиономии «подателя сего». Другой вопрос: как сие оценить, а впоследствии – пресечь. Акцент

на сознательности не работает, вместо нее теперь мотивация, безразличная к долгу и чести. Зумеры – генерация с удаленным самоуважением и репутацией согласно лайкам и репостам. А потому Insta ради горазды на любые провокации. Привычка к перебору вместо выбора, идущая от выработанных в ходе ЕГЭ-дрессуры навыков тестирования, во многом определяет опасный феномен социального серфинга, когда от Родины отписываются с той же легкостью, с какой «бывших» переводят во френдзону. Предательство для зумеров – всего лишь лайфхак по переводу проблемы в ресурс. Еще один способ «быть в ресурсе» – культивирование неких метанавыков и soft skills (пожалуй, засилье колониального инглиша можно признать единственным бесспорным успехом цифровизации). Но что есть эмоциональный интеллект для особей, чьи родители (миллениалы) уже испытывали проблемы с эмпатией и предпочли искренности офисное лицемерие по типу «бизнес и ничего личного»!

Обязанные по долгу службы «относиться с пониманием», педагоги из поколения «цифровых мигрантов» настойчиво ищут в зумерах неординарность и наивно полагают, будто в новой культуре что-то есть. Но цифровые аборигены, как и всякие дикари, беспардонны и безапелляционны в своих претензиях на обладание истиной: они презирают миссионеров, не удосуживаясь изложить причину подобного отношения (идиома «ок, бумер»).

С другой стороны, поражает обилие требований и претензий к педагогу, коему надлежит немедленно, окончательно и бесповоротно преобразиться в тьютора и коуча. Преподавателей принято обвинять в недостатке патриотизма, толерантности, креативности и проч. – во всем, кроме некомпетентности. Возможно, потому что профессиональная грамотность замаскирована множеством бессмысленно-детализированных формальных компетенций, за которыми уже не углядеть ни призвания, ни миссии, ни профессии. В этом контексте показателен занятый нонсенс: практико-ориентированность и запрос на междисциплинарные исследования – принципиально неосуществимые по причине мешчанской узости кругозора зумеров («зачекинился-сфоткался-запостил-лайкнул»), из-за отсутствия ассоциативного мышления и неспособности сравнивать и проводить аналогии. Цифра штампует лишь операционистов и функционеров.

Интернет-опосредованность умножает посредственность. Сейчас отнюдь не зазорно оправдывать ее вызовами современности, экологической повесткой etc. Здесь нелишне упомянуть модные дискуссии об ESG-трансформации. А. Богданов называл мышление

социально-идеологическим процессом – в противовес индивидуальному, личному сознанию. Важно отметить: подлинно экологический дискурс всегда отличался комплексным характером, масштабностью и чувством исторической ответственности, тогда как недорослям прививают буржуазную мелкотравчатость agile-целеполаганий, явно несоответствующих их мега-амбициям.

Не следует также забывать, что технологии, упрощающие работу с данными, были разработаны людьми «икс-поколения» для своих потребностей – в расчете на то, что ими воспользуются исследователи с полноценным фундаментальным образованием [2]. Скажем, вебинары хороши в качестве визуальных инструкций для сравнительно подготовленных пользователей. Как писал М. Анчаров, «хотя бытие определяет сознание, но из этого не вытекает, будто хорошие условия создают хороших людей. Потому что хорошие условия создают одни люди, а живут в них другие – потомки». Пора признать: все известные цифровые достижения суть плоды усилий людей среднего возраста, пользующихся современными технологиями корректно и на благо прогресса. Если кто-то и утрачивает авторитет, так исключительно вассерманоподобные ярмарочные эрудиты. Заметим: начетчики во все времена были предметом насмешек, тогда как эрудиция истинная – залог нестандартного, ассоциативного, образного мышления. Цифровые ценности вовсе не трудны для «поколения пред-», а попросту чужды ему. Большинство людей, коим посчастливилось получить правильное (советское) воспитание, откровенно брезгуют «цифрятиной» – вплоть до того, что отсутствие аккаунта в соцсетях почитают веским достоинством и признаком интеллигентности.

Основной псевдо-бонус цифровизации – глобализация и облегчение коллаборации. Последний термин скомпрометирован Гитлером, кооперация – Горбачевым, а рассуждать о цифровом сотрудничестве едва ли мыслимо. Артельный дух выветрен из России еще при Ельцине; потребность и умение «работать в команде» невозможны при зацикленности каждого на своем интернет-профиле. Окружающие воспринимаются конкурентами, даже если их необходимо «зафрендить» для проформы. Как следствие – преобладание ролей над сутью, виртуального селфи-нарциссизма над рефлексией, медийности над честью и репутацией, статуса над совестью. Немногом здоровее ситуация в социальных сетях, предназначенных для исследователей (Academia, Researchgate, MyScienceWork), однако и здесь назойливо обозначен маркетинговый посыл (рейтинги, цитируемость, платные услуги), что приводит к пресыщенности

пиар-возможностями: мало кто из солидных ученых рассматривает потенциал данных порталов всерьез.

Обсуждение

Как свидетельствует история, мещанин не заслуживает титула «драйвер инноваций»; типичный филистер привык ублажать свои нехитрые, но обширные материальные потребности, и новые технологии старательно освобождают его от ненужных знаний и докучных забот, поручая сервисам не только рутинные, а уже и мыслительные функции (всегда утомлявшие обывателя). Чувствуется примитивно-близорукая прагматика дикарей, ошалевших от изобилия контента и удобства потребления в среде присваивающей экономики. Салтыков-Щедрин безжалостно и точно охарактеризовал «бизнес-ориентированное просвещение»: практика служит самым обнаженным выражением людской ограниченности, не видящей впереди ничего кроме непосредственных результатов, приобретаемых самолюбивой хищностью.

Абсолютизация материального успеха и благополучия привела к тому, что мало кто из Z-генерации намерен посвятить жизнь профессии или вообще какому-либо делу. Приоритетная стратегия – собрать бонусы (ничем не гнушаясь), дабы остаток жизни «кайфовать и чилить». Естественно, отдых как смысл жизни противоречит коммерческой идее «lifelong learning» как основе парадигмы цифрового просвещения, что еще раз доказывает ее несуразность.

Образование – трудноопределимая, но ясноразличимая субстанция: не массив информации, но скорее образ мыслей; оно не гурманское послевкусие, «что остается после того, когда забываешь все, чему учили в школе» (афоризм Эйнштейна). Плоды просвещения – это тяга к Знанию, привитая в школе и университете – когда студент, как говорили в старину, превзошел науки. Подчеркнем: превзошел, а не вызубрил или прокачал. Образование зиждется на традициях, тем самым обеспечивая прогресс. Значит, настоящее, подлинное (будь то вещи или теории) есть творчески переосмысленное прошлое. Вероятно, сей парадокс недоступен пониманию тех, кто торопит пришествие нового, цифрозойского ордунга.

Реальность 2.0 пока никаких ценностей не создает, лишь утилизирует созданное. Большинство проблем BANI-мира откровенно вымученные (цифровая этика, цифровая гигиена, цифровая антропология), тогда как вопросы насущные – под спудом обширной макулатуры об инноватике и форсайтах в образовании. Благодаря сетевым ресурсам информации более чем достаточно, но как сориентировать на поиск действительно верной и нужной там, где анга-

жированные направляют равнодушных? По мнению А. Прокоповича-Антонского, «просвещение без чистой нравственности и утончение ума без обогащения сердца есть злейшая язва, истребляющая благоденствие не единых семейств, но и целых народов». Концептуальное (теоретико-идеологическое) осмысление структурирует хаос – следовательно, гуманитарное образование призвано вразумлять, охраняя человека от техно-одержимости. По этой причине комсомолец из ФЗУ куда образованнее и (главное) – интеллигентнее отличника-магистра эры цифрового прорыва. Формальная аттестация не может быть признана исчерпывающим свидетельством уровня подготовки (классический пример – казус ЕГЭ-династии Тепляковых). Уметь шустро соображать «из коробки» – отнюдь не достоинство творческого мышления «быстрых разумом Невтонов», да и сама формулировка «out the box» оскорбительна, ибо уподобляет человека продукту. На наш взгляд, камень преткновения лежит вовсе не в технологической плоскости – здесь скорее вопрос идеологии и психологии. Красота науки разрушается псевдо-экономической функциональностью, цифровым детерминизмом и цинизмом менеджмента. Информационные технологии давно переросли из орудия в средство, а теперь претендуют быть целью. Словами Иванова-Разумника, трагедия кончена: жизнь теней победила тени жизни.

Увлекаясь диджитализацией, важно не допустить тотального оцифрения молодежи. Сложившееся положение к этому критически близко: благодаря дистанту само собой происходит формирование анти-качеств (непрофессионализм, некультурность, некомпетентность) – уже не как нехватки положительного компонента, но как самостоятельных «особенностей натуры», причем почти некорректируемых. В то же время сам дистант (особенно замену общения чат-ботами) можно считать элементом паллиативной терапии при эмоциональном выгорании педагогов. Становится очевидным: абсурдно одновременно восхищаться нестабильностью VANI-мира и выстраивать «проактивную цифровую этику».

Подводя итог сказанному, подчеркнем: реальность 2.0 – вовсе не реальность, а душевредная иллюзия. В цифровом мире легко потеряться, но углубиться невозможно, он одномерен и утилитарен. И, кстати, далеко не оригинален в претензиях на новизну – происходящее сейчас было описано две тысячи лет назад, в Откровениях Иоанна Богослова: появление пост-правды, псевдо-пророков и даже анти-людей, оцифрованных организмов с удаленной (во всех смыслах) нравственностью. Программа Антихриста в отрицании Таинства – а ведь именно там обитает дух красоты и творчества, облагораживающий все создаваемое людьми. Вraga рода человеческого

предложит не максимум, но обывательский оптимум: технологичность, оперативность и эффективность, и, конечно же, будет максимально клиенто-ориентированным. А истина всегда непрактична. Мало того, что трудно ее обрести, но даже если такое и случится, встанет более сложный вопрос: что с ней делать? Она имеет универсальный и всеобъемлющий характер, не опускаясь до формулы или кода. Истина принципиально неубедительна применительно к частностям.

В заключение попытаемся наметить пути разрешения кризиса цифрового образования. Коль скоро оно настолько заточено под обывателя, допустимо использовать стереотипы мещанского сознания на пользу просвещения. По аналогии с реабилитацией зависимых (чем суровее режим, тем дороже клиника), можно попытаться объявить престижными вузы, где содержательная прогрессивность сочетается с ультра-традиционностью педагогических приемов. Данную роль легко поручить вузам гуманитарного профиля (и по преимуществу – негосударственным) хотя бы в силу их немногочисленности (по одному на регион). Нечто похожее существовало до революции – следовательно, есть вероятность, что аналогичная практика способна вернуть авторитет старым добрым университетским традициям. Кроме того, это решит проблему набора приемлемого контингента на гуманитарные специальности, востребованность коих будет возрастать по мере актуализации идеологии в России. Разумеется, вопрос требует комплексного решения, что маловероятно, пока учебный процесс подвергается непрерывному административному глумлению, ведь бюрократы – это мещане в законе. И покуда система образования взыскует одобрения Запада и соответствия зарубежным стандартам, едва ли стоит считать ее отечественной.

Заявления цифро-демагогов о практико-ориентированности подготавливают почву формирования структур, напоминающих реальные училища. Значит, параллельно с санацией вузов от айти-популярности и шоу-дидактики было бы разумно включить минимальную цифровую грамотность в обязательный «тривиум» школьника, тем самым избавив от тривиальности более высокую степень образования, где необходимо сосредоточиться на формировании концептуального мышления и вкуса к исследовательской деятельности. Таким образом, избавленные от спеси айтишники займут нишу персонала, обслуживающего технологический прорыв – наряду с «профессиональными управленцами» и прочей административной массовкой.

Отстаивая принципы классической педагогики, цифро-скептики не просто защищают просвещение от догматизма и переупрощений. Вспомним ленинское предостережение: ««в вопросах культуры

торопливость и размашистость вреднее всего. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительному и быстрому движению вперед». Нынешнее расчеловечивание беспрецедентно, потому что тотально и стремительно – во многом вследствие вульгаризации образования и подмены его информационными технологиями. Мы убеждены: пришло время трезво подумать, чем оправданы авансы и громогласные дифирамбы цифре, которая отныне наше всё: и кузница, и житница, и здравница. А по итогам размышлений – набраться мужества и приказать, подобно герою пьесы Е. Шварца: «Тень, знай свое место!»

Литература

1. *Назарова Ю.В., Каширин А.Ю.* Дилеммы этики искусственного интеллекта // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2020. № 4 (36). С. 23–31.
2. *Симашенков П.Д., Балахонцева А.Н.* О рисках цифровизации образования. В сборнике: Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 387–393.
3. Система образования в России: привычной школе осталось жить пять лет [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/26699.7/3723532/> (дата обращения: 12.09.2022)
4. *Согомонов А.Ю.* Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 48–63
5. *Ярославцева Е.И.* Человек в цифровом пространстве – допуск к образованию или просвещению? Высшее образование для XXI века. Доклады и материалы. Симпозиум «Высшее образование и развитие человека». 2015. С. 27–36.
6. *Guillén-Gómez, F. D., Mayorga-Fernández, M. & Álvarez-García, F. J.* A study on the actual use of digital competence in the practicum of education degree. *Technology, Knowledge and Learning*, 2020. № 25(3). P. 667–684. DOI:10.1007/s10758-018-9390-z
7. *Holcomb, C., Baker, J.N.* Digital behavior intervention plans: Effects on general education teacher fidelity of implementation. *Journal of Special Education Technology*. 2020. № 35(3). P. 155–166. DOI:10.1177/0162643419854502

Информация об авторе

Симашенков Павел Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Самарский университет государственного управления «МИР» (АНО ВО «Университет «МИР»), г. Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6831-2543>, e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

A philistine vector of digital transformation

Pavel D. Simashenkov

Samara IMI University, Samara, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6831-2543>

e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

The relevance of the topic is due to the emergence of the so-called digital skeptics who challenge the need for total digitalization of education. The object of the study is the values of digital transformation, the subject – their actual implementation in the system of higher education. The author has chosen an axiological approach to the study of the problem, involving the consideration of the digitalization of education in the socio-philosophical aspect. According to the author, the bonuses of Reality 2.0 are predominantly of an entertainment nature, which has nothing to do with research activities. In addition, most of the materials on the digital world in one way or another raise the topic of salesmanship. This means that the key direction of technology development is purely commercial, a priori consumer-oriented. In the spirit of concreteness and pragmatics, the vector of simplification is declared the only correct and universally applicable. The most dangerous simplifications are: 1) identifying knowledge with information and information with data; 2) identifying creativity with reality; 3) identifying reality with reality. The author is confident: it is superfluous to argue that constructive criticism of digitalization has nothing to do with obscurantism. Protest is not so much against the numbers themselves, as against the neo-Lysenkovism (show pedagogy and other forms of profanation), zealously promoted by the adherents of the IT breakthrough. By defending the principles of classical pedagogy, digital skeptics defend culture from dogmatism and utilitarian primitivization.

Keywords: digitalization, innovation, bourgeoisness, BANI-world, pragmatism, education management

For citation:

Simashenkov P.D. A philistine vector of digital transformation // *Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2022): Collection of Articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. November 17–18, 2022 / V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova (Eds). Moscow: Publishing house MSUPE, 2022. 528–541 p. (In Russ., abstr.in Engl.)*.

References

1. Nazarova Yu.V., Kashirin A.Yu. Dilemmy etiki iskusstvennogo intellekta [Dilemmas of Artificial Intelligence Ethics]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo = Humanities Bulletin*, 2020, no. 4 (36). pp. 23–31. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Simashenkov P.D., Balahonceva A.N. O riskah cifrovizacii obrazovaniya.[On the risks of digitalization of education] *V sbornike:*

- Social'naya real'nost' virtual'nogo prostranstva. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshchej redakciej O.A. Polyushkevich. = The social reality of virtual space. Irkutsk, 2021, pp. 387–393. (In Russ., abstr. in Engl.)*
3. Sistema obrazovaniya v Rossii: privychnoj shkole ostalos' zhit' pyat' let [*The education system in Russia: the usual school has five years to live*]. Komsomol'skaya pravda. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26699.7/3723532/> (Accessed 25.09.2022). (In Russ., abstr. in Engl.)
 4. Sogomonov A.Yu. Cifrovoy universitet v informacionnom obshchestve: eticheskie aspekty tekushchej transformacii [The Digital University in the Information Society: Ethical Aspects of the Current Transformation]. *Vedomosti prikladnoj etiki = Statements of Applied Ethics*, 2021, no. 57, pp. 48–63. (In Russ., abstr. in Engl.)
 5. Yaroslavceva E.I. Chelovek v cifrovom prostranstve – dopusk k obrazovaniyu ili prosveshcheniyu? [Man in digital space – admission to education or enlightenment?]. *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka. Doklady i materialy. Simpozium «Vysshee obrazovanie i razvitie cheloveka» = Higher Education for the 21st Century*, 2015, pp. 27–36. (In Russ., abstr. in Engl.)
 6. Guillén-Gámez, F. D., Mayorga-Fernández, M. & Álvarez-García, F. J. A study on the actual use of digital competence in the practicum of education degree. *Technology, Knowledge and Learning*. 2020, no. 5(3), pp. 667–684. DOI:10.1007/s10758-018-9390-z
 7. Holcomb, C., Baker, J.N. Digital behavior intervention plans: Effects on general education teacher fidelity of implementation. *Journal of Special Education Technology*, 2020, no. 35(3), pp.155–166. DOI:10.1177/0162643419854502.

Information about the author

Pavel D. Simashenkov, PhD in History, Associate Professor, Chair of Public Administration, Samara IMI University, Samara, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6831-2543>, e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru